
Научная статья

УДК 330.322.7(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2025-110-1-167-177

Краткосрочные и долгосрочные мультипликаторы автономных расходов в регионах российского Дальнего Востока

Андрей Леонтьевич Ким

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия

Kimandrey@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6739-672X>

Аннотация. На основе данных о среднедушевых потребительских расходах и доходах населения за период 2000–2022 гг. проводится оценка функций потребления в регионах Дальневосточного федерального округа, на базе которой рассчитываются краткосрочные и долгосрочные мультипликаторы потребления. Для оценки предельной склонности к потреблению использовались стандартная кейнсианская функция потребления и функция перманентного дохода М. Фридмана. Для обеих функций выявлена незначимость статистических оценок для Магаданской области и Чукотского автономного округа. Это указывает не только на отсутствие измеримой взаимосвязи между потреблением и доходом в данных субъектах федерации, но и на отсутствие мультипликативных эффектов, генерируемых экономиками этих регионов. Для всех остальных субъектов федерации обосновано, что объем текущего потребления определяется не только текущим доходом, но и сложившейся тенденцией потребления. Оценены мультипликаторы автономных расходов регионов с учетом поправок на региональный ввоз потребительских товаров. Показано, что мультипликаторы, рассчитанные на основе потребительской функции Кейнса, близки по значениям к долгосрочным мультипликаторам, оцененным по функции перманентного дохода. Выявлено, что наибольшим мультипликативным эффектом в долгосрочной перспективе обладает Хабаровский край, где удельный вес расходов на локально производимые товары и услуги наибольший среди всех субъектов ДФО РФ. Наименьшие значения мультипликаторов характерны для Еврейской автономной области и Камчатского края. Также выявлено, что регионы с наибольшими (наименьшими) значениями краткосрочного мультипликатора не всегда характеризуются наибольшими (наименьшими) значениями долгосрочного мультипликатора.

Ключевые слова: потребление, доход, перманентный доход, предельная склонность к потреблению, мультипликатор, регионы России

Для цитирования: Ким А. Л. Краткосрочные и долгосрочные мультипликаторы автономных расходов в регионах российского Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 1 (110). С. 167–177. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-167-177>

Original article

Short-term and Long-term Multipliers in the Regions of the Russian Far East

Andrey L. Kim

The Economic Research Institute, FEB RAS, Khabarovsk, Russia

Kimandrey@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6739-672X>

Abstract. *The article is devoted to the assessment of consumption functions in the regions of the Far Eastern Federal District based on per capita consumer expenditure data and population income for the period 2000-2022. Short-term and long-term multipliers of autonomous expenditure are calculated. The standard Keynesian consumption function and the permanent income function of M. Friedman are used for the estimation of the marginal propensities to consume. For both functions, statistical estimates were found to be insignificant for the Magadan Region and the Chukotka Autonomous Area, which indicates not only the absence of a relationship between consumption and income, but also the absence of multiplier effects generated by the economies of these regions. For all other regions, it is shown that the volume of current consumption is determined not only by current income, but also by the consumption trend. The multipliers of autonomous expenditure of the regions are estimated taking into account adjustments for regional import of consumer goods. It is shown that the multipliers calculated on the basis of the Keynesian consumer function are close in value to the long-term multipliers estimated using the permanent income function. It is shown that the Khabarovsk Territory, where the share of expenditure on locally produced goods and services is the highest among all regions of the Russian Far East, possesses the greatest multiplier effect in the long-term period. The lowest values of multipliers are typical for the Jewish Autonomous Area and the Kamchatka Territory. It was also found that regions with the highest (lowest) values of the short-term multiplier are not always characterized by the highest (lowest) values of the long-term multiplier.*

Keywords: *consumption, income, permanent income, marginal propensity to consume, multiplier, Russian regions*

For citation: Kim A. L. (2025) Short-term and Long-term Multipliers in the Regions of the Russian Far East *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 1 (110), pp. 167–177. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-167-177>

Введение

Экономический рост и развитие Дальнего Востока и, следовательно, увеличение объёмов располагаемых доходов и потребления его населения являются приоритетными государственными задачами на весь XXI век. Построение адекватной экономической модели региона позволит оценить эффекты от реализации тех или иных мер и шагов регионального развития для выпуска, занятости, доходов домохозяйств. Одним из ключевых показателей, позволяющих оценить масштабы таких эффектов, является мультипликатор автономных расходов.

Знание величины регионального мультипликатора автономных расходов позволяет ответить на множество вопросов, касающихся эффектов экономической политики регионального развития: как отразится на региональных доходах строительство инфраструктурных объектов; в какой степени увеличение расходов в регионе приведет к росту производства на

местном уровне и т.д. В отличие от мультипликатора на национальном уровне, региональный аналог должен корректно учитывать масштабы ввоза потребительской продукции в регион, в противном случае его величина окажется существенно завышенной. Основой мультипликатора является величина предельной склонности к потреблению, следовательно, межрегиональные различия данного показателя будут в значительной степени определять неравенство мультипликативных эффектов в разных регионах.

Предельная склонность к потреблению зависит от поведения населения региона на рынке товаров и услуг. Потребительские расходы населения являются важным макроэкономическим агрегатом, требующим внимательного изучения, так как он отражает динамику спроса населения на товары и услуги. От величины потребительских расходов жителей страны (региона) зависит объём производимой и ввозимой продукции.

Исследование потребительского поведения населения, ввиду его определяющей роли в формировании мультипликатора, является важным этапом моделирования и прогнозирования экономической динамики и обоснования экономической политики государства.

В рамках настоящего исследования решаются две задачи: оцениваются функции потребления населения в 11 субъектах ДФО, и на их основе проводится расчёт мультипликаторов автономных расходов.

Потребление в регионах Дальнего Востока: подходы к исследованию и данные

Традиционный подход к анализу потребления связан с именем Дж.М. Кейнса. Он исследовал потребительские расходы домохозяйств как важную составную часть совокупного спроса. Он считал, что предельная склонность к потреблению отражает объективный психологический закон общества, когда размеры совокупного потребления изменяются в том же направлении (увеличиваются или уменьшаются), что и совокупный реальный доход, но не с такой быстротой. Потребление, по мнению Дж.М. Кейнса, может быть представлено в виде функции, связывающей потребительские расходы с располагаемым доходом в простой линейной форме [Кейнс, 2023]. Ещё одно важное связанное с этим понятие – мультипликатор, показывающий степень влияния на совокупный генерируемый доход от импульса, вызванного экзогенными по отношению к экономике расходами (государственное потребление, инвестиции, поступление экспортной выручки).

Распространение кейнсианского анализа привело к появлению большого количества исследований, в которых потребление рассматривалось как функция от дохода, а предельная склонность к потреблению и мультипликатор оценивались статистическими и эконометрическими методами. Особую популярность кейнсианский подход получил в исследованиях регионов, где, как считают некоторые экономисты, альтернативный кейнсианству неоклассический подход неприменим из-за предпосылок о закрытости исследуемой экономики и прима-

те предложения над спросом [Thirlwall, 1980]. Однако кейнсианский анализ обладает рядом недостатков, о которых писали ещё современники Дж.М. Кейнса [Шумпетер, 2011]. Главный из них – фактическое игнорирование долгосрочной перспективы и способность объяснить лишь краткосрочную динамику.

Иной подход к исследованию потребления был предложен М. Фридманом [Friedman, 1957]. Он также представлял потребление как функцию от дохода, но уже не текущего, а перманентного. Перманентный доход – это некоторая (ненаблюдаемая статистически) постоянная часть располагаемого дохода, на которую рассчитывает индивид при планировании будущих расходов. М. Фридман утверждал, что функции потребления от текущего дохода не полностью отражают лежащие в основе этой зависимости закономерности. Как считает Д. Лайдлер, гипотеза М. Фридмана о перманентном доходе обнаружила, что кейнсианская предельная склонность к потреблению и, следовательно, мультипликатор не могут считаться основанием для теории, которая стремится объяснить макроэкономику или претендует на роль надёжного руководства в экономической политике [Laidler, 2005]. Тем не менее существует большой пласт работ, где кейнсианский и фридмановский анализ потребления используется совместно (см. [Ghali, Renaud, 1971], [Gillen, Guccione, 1970], [Guccione, Gillen, 1974]). В некоторых из них проводится сравнительный анализ результатов расчётов мультипликативных эффектов двумя методами [Gillen, Guccione, 1970]. Сосуществование кейнсианского и фридмановского подхода вполне объяснимо, поскольку оба предполагают наличие предпосылок, упрощающих расчёты, из-за которых идеально точное описание объекта исследования невозможно.

С эконометрической точки зрения ни модель Кейнса, ни модель Фридмана не используются для проверки лежащих в их основе гипотез. Если существует как таковая функциональная взаимосвязь между доходом и потребительскими расходами, обе модели, как правило, дают статистически значимые и теоретически

состоятельные оценки искомых параметров соответствующих функций.

Первым этапом исследования тенденций потребления в субъектах РФ может быть анализ динамики отношения потребительских расходов C к доходам населения Y (оба показателя выражены в среднедушевых величинах). Предполагается, что в условиях долгосрочного равновесия это отношение постоянно (потребление увеличивается пропорционально реальным доходам, по крайней мере на уровне национальных экономик). Низкие значения C/Y могут сигнализировать о недостаточной насыщенности потребительского рынка или о пессимистичных ожиданиях населения относительно будущих доходов (предпочтение сбережению, а не потреблению).

В таблице 1 приведены расчётные значения C/Y в 11 регионах ДФО за исследуемый период. Здесь C – величина потребительских расходов в среднем на душу населения (в месяц, руб.), Y – среднедушевые денежные доходы населения (в месяц, руб.). Для наглядности приведены 2000 г., 2022 г. (первый и последний годы исследуемого периода), а также 2011 г., отображающий промежуточные тенденции.

Из таблицы 1 видно, что во всех регионах ДФО, кроме Камчатского края, Магаданской области и Чукотского автономного округа, существенно возросла норма потребления. Наибольшие значе-

ния C/Y наблюдаются в двух регионах с наибольшим количеством населения – Приморском и Хабаровском краях (среднее значение за период 2000–2022 гг. 75,74% и 73,61% соответственно) – а также, что несколько неожиданно, в Республике Бурятия (74,42% в среднем). Ситуация с потреблением в Республике Бурятия намного отличается от ситуации в соседнем Забайкальском крае, где средняя норма потребления за период 2000–2022 гг. была на 25,65% ниже. Можно также выделить три региона с явным недопотреблением: Забайкальский край, Магаданская область и Чукотский автономный округ.

Из данных таблицы 1 следует, что в 2000 г. уровень потребления относительно дохода в Забайкальском крае был самым низким в ДФО (до 2018 г. край входил в состав Сибирского федерального округа). К 2011 г. норма потребления достигла отметки 52,54%, а к 2013 г. – 61,22%, но после 2013 г. она начала стремительно снижаться, к 2022 г. опустившись до 47,84%. В Магаданской области в 2000–2012 гг. норма потребления была примерно на уровне 50%, после чего она выросла до 65% в 2014 г., а затем вернулась к первоначальному уровню (48,85% в 2022 г.). Интересная ситуация наблюдалась в Камчатском крае: доля потребительских расходов в доходах населения сперва снизилась с 65,56% в 2000 г. до 47,69% в 2005 г., за-

Таблица 1

Доля потребительских расходов в доходах населения в регионах ДФО в 2000–2022 гг., %

Регион	2000	2011	2022
Республика Бурятия	65,95	72,16	85,18
Республика Саха (Якутия)	57,79	62,37	71,05
Забайкальский край	33,36	52,54	47,84
Камчатский край	65,56	55,31	62,78
Приморский край	77,17	68,97	86,01
Хабаровский край	71,48	70,71	85,52
Амурская область	68,16	68,43	80,12
Магаданская область	48,52	53,60	48,85
Сахалинская область	56,64	74,83	73,19
Еврейская автономная область	63,80	61,60	77,47
Чукотский автономный округ	33,60	34,81	34,45
В среднем по Дальневосточному федеральному округу	61,35	65,37	73,65

Источник: рассчитано автором по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 01.12.2024).

тем выросла до 75,56% в 2014 г., а затем снова снизилась уже до 60,8% в 2021 г. В Сахалинской области наибольшие значения C/Y наблюдались в период 2012–2019 гг. (в среднем 77,36%). До этого уровня норма потребления поднялась с 56,64% в 2000 г., в 2022 г. она составляла 73,19%. Чукотский автономный округ – единственный регион, где отношение C/Y примерно постоянно на протяжении всего исследуемого периода – 33,6% в 2000 г. и 34,45% в 2022 г., среднее значение в 2000–2022 гг. – 34,22%.

Востальных дальневосточных регионах наблюдалась следующая ситуация. Вслед за тремя явными лидерами (Приморский край, Хабаровский край, Республика Бурятия) по среднегодовому отношению потребительских расходов к доходам идут Амурская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область, республика Саха (Якутия). При этом в Амурской и Еврейской автономной областях значения C/Y в начале 2020-х гг. были близки к пиковым, а на Сахалине и в Якутии они существенно меньше, чем в 2018–2019 гг. Амурская область по доле потребления догоняет Приморский край, который, в свою очередь, лишь немного уступает Бурятии и Хабаровскому краю.

Различия в норме потребления демонстрируют неоднородность Дальневосточного федерального округа. Эта характеристика макрорегиона известна давно (см., например, [Синтез..., 2011]), по этой причине в рамках настоящего исследования мы будем оценивать потребление только в отдельных регионах, а не по всему Дальнему Востоку в целом.

Оценка потребительских функций

Рассмотрим простую кейнсианскую функцию, в соответствии с которой потребление есть линейная функция от текущего дохода. Временной ряд среднедушевых денежных доходов в сопоставимых ценах 2022 г. рассчитывался с использованием индекса реальных денежных доходов. Величина потребительских

расходов за год в сопоставимых ценах находится из рассчитанного ранее соотношения C/Y , в предположении, что доля потребительских расходов в доходах населения в сопоставимых ценах равна ей же в текущих ценах. Эконометрическая форма функции потребления по Кейнсу выглядит следующим образом:

$$C_t = a + bY_t + u_t, \quad (1)$$

где C_t – среднедушевые потребительские расходы населения за год; Y_t – среднедушевые доходы за год; a – автономное потребление; b – предельная склонность к потреблению; u_t – ошибки измерения.

Для оценки коэффициентов регрессии взята выборка за 2000–2022 гг. Полученные во всех случаях низкие значения критерия Дарбина–Уотсона (DW) свидетельствуют о наличии автокорреляции ошибок первого порядка, для устранения которых применена процедура Кохрейна–Оркатта [Cochrane, Orcutt, 1949]. Новые оценки, полученные после избавления от автокорреляции, приведены в таблице 2:

Даже после применения процедуры Кохрейна–Оркатта значение DW , рассчитанное для Чукотского автономного округа, не соответствует пороговому, необходимому для принятия гипотезы об отсутствии автокорреляции ошибок. Это значит, что полученная оценка предельной склонности к потреблению не является надёжной и не может быть использована в дальнейших расчётах. То же самое можно сказать и о результатах для Магаданской области, хотя DW превышает минимальный порог, но незначительно. Из дальнейшего исследования эти регионы исключены¹.

Обращает на себя внимание существенный разброс предельных склонностей к потреблению, оцененных по функции Кейнса: от минимальной в ЕАО (0,503) до близкой к единице в Республике Саха (Якутия) (0,984). Как правило, значения предельной склонности к потре-

¹ В работе [Исаев, 2024] получены вариации оценок предельных склонностей к потреблению для субъектов федерации ДФО на основе модели коррекции ошибок. Несмотря на то, что прямое сравнение этих оценок с полученными в настоящей статье некорректно ввиду разных подходов к оценке, отсутствие взаимосвязи между доходом и потребительскими расходами для указанных выше регионов подтверждается в обеих статьях.

Таблица 2

**Результаты оценок потребительских функций по Кейнсу
регионов ДФО (после избавления от автокорреляции)**

Регион	b (t -статистика)	R^2	DW
Республика Бурятия	0,722 (3,78)	0,98	1,91
Республика Саха (Якутия)	0,984 (7,36)	0,97	2,20
Забайкальский край	0,914 (5,98)	0,97	1,85
Камчатский край	0,892 (4,24)	0,95	1,55
Приморский край	0,901 (7,33)	0,97	2,04
Хабаровский край	0,541 (2,46)	0,97	2,14
Амурская область	0,580 (3,96)	0,98	1,87
Магаданская область	0,359 (2,03)	0,96	1,48
Сахалинская область	0,615 (3,93)	0,99	1,75
Еврейская автономная область	0,508 (2,86)	0,97	2,11
Чукотский автономный округ	0,025 (0,29)	0,96	1,25

Источник: рассчитано автором.

блению, близкие к единице, характерны для длительного периода, когда, как предполагается, весь располагаемый доход расходуется на потребление. Однако спецификация кейнсианской функции потребления подразумевает, что величина потребления зависит от уровня текущего дохода. Поэтому однозначного вывода о краткосрочном или долгосрочном характере предельной склонности к потреблению из функции потребления Кейнса сделать нельзя.

Как уже было отмечено, потребительская функция, предложенная М. Фридманом, учитывает долгосрочные ожидания людей, предполагая, что они сглаживают уровень потребления в течение жизни.

Под доходом здесь подразумевается не текущий доход, который потребитель имеет в данный момент времени, а перманентный, который он ожидает иметь в течение жизни. Функция выглядит следующим образом:

$$C_t = a + bY^* \quad (2)$$

где C_t – среднедушевые потребительские расходы населения за год; Y^* – перманентный доход; a – автономное потребление; b – предельная склонность к потреблению.

Перманентный доход является ненаблюдаемой величиной. Он аппроксимируется функцией с конечным распределённым лагом, включающей в себя величину доходов, полученных в несколько предыдущих лет. Предполагается геометрическая структура лага, когда воздействие

на результирующий показатель каждой дополнительной лаговой переменной снижается в геометрической прогрессии.

$$Y^* = \sum_{i=0}^{\infty} \lambda^i Y_{t-i} \quad (3)$$

где λ – весовой коэффициент.

Предпосылка о геометрической структуре лага позволяет преобразовать потребительскую функцию по методу Койка [Койк, 1954]. В результате подстановки (3) в (2) получается следующее уравнение, в котором все переменные являются наблюдаемыми:

$$C_t = a(1 - \lambda) + bY_t + \lambda C_{t-1} \quad (4)$$

С эконометрической точки зрения функция потребления Фридмана является расширенной версией функции по Кейнсу с дополнительной переменной – потребительскими расходами с лагом. Из этого следует, что на величину текущих расходов на потребление оказывает влияние не только величина текущего дохода (как в случае кейнсианской функции), но и величина потребительских расходов, сложившаяся в предыдущих периодах. Другими словами, текущее потребление только частично объясняется текущим доходом. В то же время оно обладает некоторой инерцией. Значения коэффициентов b и λ находятся путём эконометрического оценивания получившейся модели авторегрессии с распределённым лагом (ARDL 1;0). Результаты оценивания

приведены в *таблице 3*:

Оценивание ARDL-модели дало статистически значимые коэффициенты. Судя по значениям критериев Дарбина-Уотсона, автокорреляция ошибок отсутствует во всех региональных функциях, за исключением Магаданской области и Чукотского автономного округа – тех же самых регионов, для которых не были получены предельные склонности к сбережению по функции Кейнса.

Полученные значения оценок подтверждают гипотезу М. Фридмана о более низком влиянии текущего дохода на величину потребительских расходов населения. По сравнению с предельными склонностями к потреблению, оцененными для кейнсианской функции, их оценки для функции Фридмана существенно ниже (в среднем на 50%). Это свидетельствует о том, что колебания доходов в регионах имеют гораздо более ограниченное влияние на динамику потребления, чем предсказываемое моделью Кейнса.

Обращает на себя внимание тот факт, что сумма значений b и λ почти для всех субъектов федерации близка к 1. В работе [Ghali, Renaud, 1971] показано: если

сумма данных параметров незначительно отличается от 1, это свидетельствует о том, что потребление пропорционально размеру богатства домохозяйств. В противном случае изменения в потреблении зависят от изменений текущего дохода. Практически для всех субъектов ДФО данная сумма находится в диапазоне от 0,9 до 1. Исключение – Еврейская автономная область (0,887).

Однако регионы ДФО различаются по степени влияния изменений перманентного дохода на подушевое потребление и по величине разрыва между предельными склонностями b и λ . Коэффициент при C_{t-1} существенно выше коэффициента при Y_t в Республике Бурятия, Камчатском и Хабаровском краях, Сахалинской области и Еврейской автономной области. Это означает, что в этих регионах уровень потребления населения зависит от сложившихся долгосрочных тенденций в уровне потребления в большей степени, чем от текущих изменений дохода. В остальных дальневосточных регионах (напомним, что Магаданскую область и Чукотский автономный округ мы не рассматриваем) на объём потре-

Таблица 3

**Результаты оценок потребительских функций по М. Фридману
регионов ДФО**

Регион	b (<i>t</i> -статистика)	λ (<i>t</i> -статистика)	R^2 (<i>DW</i>)
Республика Бурятия	0,378 (3,90)	0,602 (6,85)	0,98 (1,81)
Республика Саха (Якутия)	0,440 (3,51)	0,503 (3,99)	0,97 (2,12)
Забайкальский край	0,427 (4,24)	0,479 (4,58)	0,97 (1,79)
Камчатский край	0,268 (2,53)	0,665 (5,47)	0,95 (1,53)
Приморский край	0,448 (3,29)	0,458 (3,00)	0,97 (1,86)
Хабаровский край	0,293 (3,2)	0,692 (8,52)	0,97 (1,98)
Амурская область	0,414 (5,38)	0,541 (6,48)	0,99 (1,54)
Магаданская область	0,143 (1,92)	0,733 (6,74)	0,96 (1,24)
Сахалинская область	0,360 (2,96)	0,552 (4,31)	0,98 (1,67)
Еврейская автономная область	0,200 (2,54)	0,687 (7,99)	0,97 (1,79)
Чукотский автономный округ	0,081 (1,41)	0,762 (5,61)	0,96 (1,23)

Источник: рассчитано автором.

бления приблизительно в равной степени влияют как изменения текущего, так и ожидаемого дохода, так как значения b и λ в них примерно одинаковые.

Специфика функции потребления по Фридману позволяет получить значения двух предельных склонностей к потреблению – краткосрочной и долгосрочной. Краткосрочная предельная склонность к потреблению, как и в функции Кейнса, представляет собой значение параметра b в формуле (4). Долгосрочная предельная склонность к потреблению находится исходя из предположения о равновесных темпах экономического роста.

Предположим, что в состоянии долгосрочного динамического равновесия уровень душевого потребления C_t изменяется с некоторым постоянным темпом g , т.е.

$$C_t = (1 + g)C_{t-1} \quad (5)$$

Перепишав эту формулу относительно C_{t-1} , получим:

$$C_{t-1} = \frac{1}{1 + g} C_t \quad (6)$$

Подставим в формулу (4), получим:

$$C_t = \frac{a(1 - \lambda)(1 + g)}{1 - \lambda + g} + \frac{b(1 + g)}{1 - \lambda + g} \quad (7)$$

Долгосрочная предельная склонность к потреблению, таким образом, равна $\frac{b(1+g)}{1-\lambda+g}$.

Мультипликаторы автономных расходов

Мультипликатор представляет собой величину, обратную предельной склонности к сбережению. Предполагая, что за счет локального (внутрирегионального) производства товаров и услуг удовлетворяется лишь часть потребительского спроса домохозяйств, величина регионального мультипликатора может быть рассчитана по следующей формуле (см. [Исаев, 2022, с.69]):

$$M = \frac{1}{1 - b(1 - m_b)} \quad (8)$$

где b – предельная склонность к потреблению; m_b – удельный вес потребительских расходов на приобретение товаров и услуг, произведенных за пределами данного субъекта федерации (региональный импорт потребительских товаров).

Как следует из (8), региональный мультипликатор отражает сложившиеся структурные особенности исследуемой экономики. На основании расчёта мультипликатора и предполагая неизменность прочих структурных переменных, можно делать выводы о величине отклика экономики на изменения в объёмах автономных (не индуцированных изменениями регионального дохода) расходов.

При расчете мультипликаторов остановимся на случае стационарного равновесия ($g=0$). В этом случае долгосрочная предельная склонность к потреблению равна $\frac{b}{1-\lambda}$. Также следует провести корректировку потребительских расходов на «импорт», т.е. исключить те товары и услуги, которые не производятся внутри региона, а завозятся извне. К сожалению, ограниченная доступность подобной статистики не позволяет выполнить такую корректировку с высокой точностью. Однако можно воспользоваться предпосылкой, предложенной в работе [Исаев, 2022], в соответствии с которой локальное потребление домохозяйств ограничивается потреблением платных услуг на местном уровне.

Расчетные значения региональных мультипликаторов по Кейнсу и Фридману для субъектов федерации Дальнего Востока (за исключением Магаданской области и Чукотского автономного округа) приведены в *таблице 4*:

Из *таблицы 4* видно, что краткосрочные мультипликаторы в функции Фридмана существенно ниже, чем в функции Кейнса, поскольку существенно ниже оценённые предельные склонности к потреблению при изменениях текущего дохода. В то же время различия между кейнсианскими мультипликаторами и долгосрочными мультипликаторами по

Таблица 4

Мультипликаторы автономных расходов регионов ДФО

Субъект РФ	Доля оплаты услуг в структуре потребления домашних хозяйств (1-т _в)	Мультипликатор (по Кейнсу)	Мультипликатор (по Фридману)	
			краткосрочный	долгосрочный
Республика Бурятия	0,22	1,19	1,09	1,26
Республика Саха (Якутия)	0,29	1,40	1,15	1,35
Забайкальский край	0,24	1,28	1,11	1,24
Камчатский край	0,27	1,32	1,08	1,28
Приморский край	0,27	1,32	1,14	1,29
Хабаровский край	0,31	1,20	1,10	1,42
Амурская область	0,29	1,20	1,14	1,35
Сахалинская область	0,26	1,19	1,10	1,26
Еврейская автономная область	0,24	1,14	1,05	1,18

Источник: рассчитано автором.

Фридману незначительны.

Корректировка мультипликаторов на величину регионального импорта существенно изменила соотношения оценок долгосрочных мультипликативных эффектов регионов ДФО между собой. Например, в Республике Бурятия до внесения поправок на «импорт» долгосрочное значение мультипликатора было выше, чем в Якутии, Камчатском и Приморском краях и Амурской области. В Республике Бурятия доля оплаты услуг в потребительских расходах меньше, чем в других субъектах ДФО.

За исключением Еврейской автономной области, обладающей самым низким мультипликатором, для субъектов ДФО значения краткосрочных мультипликаторов находятся в диапазоне 1,1–1,2. Это отражает ограниченные возможности регионов по удовлетворению потребительского спроса на товары и услуги за счет собственных производств. Примечательно, что для Хабаровского края значение краткосрочного мультипликатора находится в середине «спектра» (1,1), тогда как долгосрочный мультипликатор – самый высокий среди дальневосточных регионов (1,42).

Долгосрочный мультипликатор до введения поправок на «импорт» имеет наибольшее значение в Хабаровском крае и Республике Бурятия. Однако проведение

соответствующей корректировки существенно снизило итоговое значение мультипликатора. В итоге наибольшие значения долгосрочный мультипликатор принимает в Хабаровском крае, Республике Саха (Якутия) и Амурской области.

Заключение

В настоящей статье на базе статистических данных об объемах потребления, величине дохода и структуре региональных экономик были рассчитаны краткосрочные и долгосрочные мультипликаторы автономных расходов в регионах Дальневосточного федерального округа. Простая кейнсианская потребительская функция показала, что, с учетом поправки на региональный «импорт» потребительских товаров, наибольшие значения мультипликаторов наблюдаются в республике Саха (Якутия), Приморском и Камчатском краях. Однако регионы ДФО различаются по тому, какие (краткосрочные или долгосрочные) изменения уровня дохода в них оказывают большее влияние на объем потребления. Если оценивать потребление по функции перманентного дохода, величина краткосрочного мультипликатора в Еврейской автономной области и Камчатском крае заметно ниже лидеров по этому показателю (Республика Саха (Якутия), Приморский край, Амурская область). Наконец, Чукотский автономный округ и

Магаданская область вообще не генерируют мультипликативных эффектов, связанных с потребительским поведением.

Представляется, что мультипликаторы, оцененные на основе краткосрочной предельной склонности к потреблению из функции М. Фридмана, теоретически более обоснованы в качестве инструмента анализа откликов региональной экономики на экзогенные воздействия.

Полученные результаты расчётов предельных склонностей к потреблению и мультипликаторов доказывают важность исследования такого сложного и многогранного феномена, как потребительское поведение в регионах. От учета его особенностей зависят региональные мультипликативные эффекты, и, следовательно, общий отклик региональной системы на различные экзогенные воздействия.

Список источников:

1. Исаев, А. Г. Экономический рост российских регионов: экзогенные и эндогенные источники. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2022. – 208 с. ISBN: 978-5-906118-63-9 EDN: HOKDMI
2. Исаев, А. Г. Моделирование и оценка региональных функций потребления: случай Дальнего Востока // *Пространственная экономика*. 2024. № 4. С. 27–47. DOI: 10.14530/se.2024.4.027-047 EDN: OBDVNB
3. Кейнс, Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Издательство АСТ, 2023. – 544 с.
4. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. – 912 с.
5. Шумпетер, Й. А. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. – М.: Изд. Института Гайдара, 2011. – 400 с.
6. Cochrane, D., Orcutt, G. H. Application of Least Squares Regression to Relationships Containing AutoCorrelated Error Terms // *Journal of the American Statistical Association*. 1949. Vol. 44. Issue 245. Pp. 32–61. DOI: 10.1080/01621459.1949.10483290
7. Friedman, M. A Theory of the Consumption Function. Princeton: Princeton University Press, 1957.
8. Ghali, M., Renaud, B. The Consumption Function at the Regional Level: The Case of Hawaii // *The Annals of Regional Science*. 1971. Vol. 5. Pp. 50–61. DOI: 10.1007/BF01288112
9. Gillen, W.J., Guccione, A. The Estimation of Postwar Regional Consumption Functions in Canada // *The Canadian Journal of Economics / Revue canadienne d'Économique*. 1970. Vol. 3. Issue 2. Pp. 276–290. DOI: 10.2307/133677
10. Guccione, A., Gillen, W.J. A Metzler-Type Model for the Canadian Regions // *Journal of Regional Science*. 1974. Vol. 14. Issue 2. Pp. 173–189. DOI: 10.1111/j.1467-9787.1974.tb00441.x
11. Koyck, L.M. Distributed Lags and Investment Analysis. North-Holland Publishing Company, 1954.
12. Laidler, D. Milton Friedman and the Evolution of Macroeconomics // *Economic Policy Research Institute. EPRI Working Papers*. 2005.31 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/61681295.pdf> (дата обращения: 01 декабря 2024 г.)
13. Thirlwall, A. Regional Problems Are «Balance-of-payments» Problems // *Regional Studies*. 1980. Vol. 72. Issue5. Pp. 419–425.

References:

1. Isaev, A. G. (2022) Economic growth of Russian regions: exogenous and endogenous sources. Khabarovsk, 208 p. ISBN: 978-5-906118-63-9 EDN: HOKDMI (in Russ.).
2. Isaev, A. G. (2024) Modelling and Estimation of Regional Consumption Functions: A

Case for the Russian Far East *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], no. 4, pp. 27–47. DOI: 10.14530/se.2024.4.027-047 EDN: OBDVNB (in Russ.).

3. Keynes, J. M. (2023) *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Moscow, 544 p. (in Russ.).

4. *The Synthesis of Scientific-Technological and Economic Forecasts: Pacific Russia – 2050*. Ed. by P.A. Minakir, V.I. Sergienko. Vladivostok, 2011. 912 p. (in Russ.).

5. Schumpeter, J. A. (2011) *Ten Great Economists from Marx to Keynes*. Moscow, 400 p. (in Russ.).

6. Cochran, D., Orcutt, G. H. (1949) Application of Least Squares Regression to Relationships Containing AutoCorrelated Error Terms // *Journal of the American Statistical Association*, vol. 44. no. 245. pp. 32–61. DOI: 10.1080/01621459.1949.10483290

7. Friedman, M. (1957) *A Theory of the Consumption Function*. Princeton: Princeton University Press.

8. Ghali, M., Renaud, B. (1971) The Consumption Function at the Regional Level: The Case of Hawaii // *The Annals of Regional Science*, vol. 5. pp. 50–61. DOI: 10.1007/BF01288112

9. Gillen, W. J., Guccione, A. (1970) The Estimation of Postwar Regional Consumption Functions in Canada // *The Canadian Journal of Economics / Revue canadienne d'Economie*, vol. 3. no. 2. pp. 276–290. DOI: 10.2307/133677

10. Guccione, A., Gillen, W. J. (1974) A Metzler-Type Model for the Canadian Regions // *Journal of Regional Science*, vol. 14, no. 2. pp. 173–189. DOI: 10.1111/j.1467-9787.1974.tb00441.x

11. Koyck, L. M. (1954) *Distributed Lags and Investment Analysis*. North-Holland Publishing Company,

12. Laidler, D. (2005) *Milton Friedman and the Evolution of Macroeconomics* // Economic Policy Research Institute. EPRI Working Papers, 31 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/61681295.pdf> (accessed December 01, 2024).

13. Thirlwall, A. (1980) Regional Problems Are «Balance-of-payments» Problems // *Regional Studies*, vol. 72, no. 5. pp. 419–425.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025; одобрена после рецензирования 14.03.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 04.02.2025; approved after reviewing 14.03.2025; accepted for publication 18.03.2025.

Информация об авторе

А. Л. Ким – младший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

A. L. Kim – Junior researcher, the Economic Research Institute, FEB RAS.